

Фу Гэ и Ци Хань долго изучали календарь благоприятных дат и, в конце концов, назначили день переноса могилы на десять дней позже.

Благоприятный день по гороскопу — идеально для переезда, для перемен.

К счастью, когда-то Ци Хань, выбирая место для могилы Ци Цзи, решил купить целый ряд, чтобы было спокойнее, без соседей. Теперь же участок пригодился — Фу Циньен занял место рядом, пятый ряд, пятая могила. Хорошее место, хорошее предзнаменование. Два старика теперь не будут одиноки.

— Пап, я нашёл вам соседа, — Ци Хань с уважением разлил вино, поставил две рюмки перед могилами. — Фу-бо, отец маленького Гэ. Он тут новенький, проводите его, покажите, что да как.

Фу Гэ улыбнулся, но в уголках глаз всё ещё горел красноватый отблеск слёз. Он посмотрел в сторону дома, указал пальцем:

— Пап, я тут, совсем рядом. Захочешь увидеть — просто приснись мне, полчаса — и я тут. А мы с маленьким Дзюэ будем приходить раз в три дня. Надеюсь, ты нас не прогонишь.

Отец наконец-то обрёл покой. Фу Гэ чувствовал, как уходит та тяжесть, что давила его столько лет, но объяснить это словами он бы не смог. Просто налил ещё себе, ещё.

Ци Хань поначалу переживал — Фу Гэ не особо пил, так что предел его возможностей был загадкой. Он нахмурился:

— Не переборщи.

Но маленький бета лишь скептически щёлкнул ногтем по горлышку бутылки, звук звенящий, хрустальный.

— Эту бурду? Да я десяток таких осилю. Не факт, что ты меня перепьёшь.

Ци Хань усмехнулся, сжал его шею пальцами, лениво обвил его плечо рукой.

— Сказки мне тут не рассказываешь?

Фу Гэ надул губы, фыркнул:

— А ты как думаешь?

Как оказалось, думал он правильно.

Ци Хань махнул рукой — раз так уверен, пусть пьёт. Но стоило Фу Гэ допить остатки его бутылки, как румянец тут же затопил его лицо, а глаза, наполненные пьяной дымкой, устали в упор на Ци Чуаня. Смотрел он так, будто встретил любовь всей жизни.

— Брат, ты ешь, не отвлекайся.

Лёгкий удар, стук палочек о стол.

Ци Хань тут же метнул взгляд, тяжёлый, острый, прицельный, будто кинжал в самое мясо.

— Это что же выходит, наш уважаемый господин Ци теперь даже поесть не может без трёх приглашений?

Ци Чуань покосился на него, стиснул зубы.

— Знал бы, что так будет — ни за что бы не пришёл.

Как тут есть, когда рядом сидит такой пьяный Фу Гэ? Он поставил чашу, развернулся к маленькому Дзюэ, начал кормить его.

Но стоило ребёнку подойти, как взгляд Фу Гэ стал ещё прямее, ещё пронзительнее.

Ци Хань аж взбеленился, будто его окунули в бочку с уксусом.

— Хватит пялиться!

Бета съёжился, не понимая, за что на него снова наехали, неохотно протянул:

— Ладно...

Ци Хань насупился сильнее:

— Это что, обида такая?

— Я что, зря глаза отрастил, по-твоему? Они чтобы смотреть.

— Тогда смотри на меня.

Фу Гэ посмотрел, покосился, скривился:

— Не хочу.

— Ты...!

Ци Хань аж задохнулся — то ли от злости, то ли от обиды, то ли от смеха, который был бы горьким.

— Почему не смотришь на меня? — Его голос дрожал от сдержанных эмоций. — А вот на всех остальных глазёнки вертятся, разглядываешь каждого по очереди, только меня будто не существуешь! Что, я тебе глаз выбить могу, если ты на меня взглянешь?

Фу Гэ даже не задумался:

— Не-а. Ты просто слишком красивый. Смотреть на тебя хочется, а если смотреть слишком долго, удержаться сложно.

Ци Хань: «...»

Обиды, скопившиеся в груди, моментально растаяли, будто кто-то взял и размял их ладонями, согрел, сделал мягкими, как тёплое тесто. Только что он ещё оскаливался, готовый вцепиться зубами, а теперь его накрыло таким счастьем, что хвост — будь у него хвост — завертелся бы быстрее вентилятора.

Он наклонился ближе, уткнулся носом в своего любимого, вдохнул его запах, почувствовал его тепло.

— И что же ты такого не можешь удержаться, а?

Фу Гэ замер, будто не сразу понял, что спрашивают. Потом поёрзал, потупился, на секунду задумался и пробормотал:

— Ты сегодня, кажется, ещё не целовал меня...

И, видимо, смутившись, тут же добавил, спешно, будто оправдываясь:

— Не то чтобы я спешу... Просто... ну, напоминаю, чтобы ты не забыл.

Забыть? Да как он мог забыть. Просто сегодня день особенный, и Ци Хань намеренно держал дистанцию, не хотел давить на Фу Гэ, но, похоже, если он сам не подойдёт, маленький бета

будет ждать и ждать, да ещё и расстраиваться. Только алкоголь придал ему смелости хоть немного поворчать.

У Ци Ханя внутри всё сжалось, а потом растеклось теплом. Он взял палочками кусочек еды, поднёс ко рту Фу Гэ и, пока тот отвлёкся, быстро чмокнул его в уголок уха.

— Что ж ты такой хитрый, а? Как ты так умеешь меня обводить вокруг пальца?

Фу Гэ хихикнул, блеснув маленькими клыками:

— Чуть-чуть умею.

Ци Хань сглотнул, сжал его в объятиях чуть крепче, медленно, сантиметр за сантиметром, провёл ладонью по его спине, чувствуя, как напряжение в теле Фу Гэ сменяется жаркой, мягкой волной. Бета вдруг затих, а потом ткнулся лбом в его плечо, тёплый, покрасневший.

— Ты чего...

Ци Хань сжал его сильнее, голос у него стал низким, осипшим, горячим:

— А что я ещё могу, кроме как с тобой?

Фу Гэ услышал — или, может, решил сделать вид, что не услышал. Он сжал пальцы на его одежде, дрогнул и, не поднимая глаз, потянулся за бутылкой.

— Всё, хватит, ты уже пьян.

— Чего, с ума сошёл? Какой пьян?

Раз даже ругаться начал, значит, пьян, и ещё как. Ци Хань захотел схватить его и шлёпнуть хорошенько.

— А кто там мне рассказывал, что перепьёт меня хоть десять бутылок? Чего ж ты после половины уже в отключку уходишь?

Фу Гэ задумался. Минуты на две, не меньше. Потом тяжело вздохнул:

— Ну да, соврал. Ну так ты поругай меня.

Как его ругать, когда он вот так смотрит? Ци Хань взял кусочек пирога, бережно накормил его,

вытер уголки губ, поднялся.

— Всё, пошли домой.

Окинул взглядом маленького Дзюэ. Тот уже за всем наблюдал, а как только понял, что пора двигаться, тут же радостно вскинул руку:

— Сегодня я ночую у дяди!

На улице уже завели двигатель, водитель ждал. Ци Хань просто поднял Фу Гэ на руки и усадил к себе на колени, прижимая к груди.

Фу Гэ ткнул пальцем в маленький пакет у него на коленях.

— Это что?

— Это? — Ци Хань достал содержимое, раскрыл. В руках у него оказалась мягкая шапка, цвета тёплого имбирного чая, с нарисованной кошачьей мордочкой и двумя торчащими ушками. Подбородочный ремешок, полный охват головы — тёплая, уютная, как раз для холодов.

— Для маленького Дзюэ, — небрежно пояснил Ци Хань. — Прикольная, да?

Фу Гэ коротко кивнул, выдал в ответ невнятное «О». Только вот губы его тут же чуть скривились, будто сам того не замечая.

Ци Хань заметил. Ему и секунды не понадобилось, чтобы уловить лёгкий привкус кислого.

— Что такое?

Фу Гэ насупился, не хотел говорить. Но Ци Хань ухватил его за подбородок, слегка потряс, заставляя поднять взгляд.

— А? Что случилось, Фу Гэ?

Бета смялся, вздохнул, тихо пробормотал:

— Теперь у тебя два малыша...

А значит, если ты покупаешь что-то милое, я уже не первый, кому оно достаётся.

Ци Хань замер. А потом в груди будто разверзлась мягкая, распускающаяся теплота. Хоть бы повторил ещё раз, хоть бы подтвердил, что он не ослышался.

Он ухмыльнулся, прищурился, прижал его крепче.

— Малыш, ты серьёзно? Ты ревнуешь к маленькому Дзюэ? Потому что сам любишь ревновать?

Ци Хань почувствовал, как сердце провалилось в самую глубину этой мягкости. Как можно быть настолько милым?..

Он хотел бы прямо сейчас швырнуть его на кровать, а хотел бы просто так держать в руках и баловать всю жизнь. Этой сладостью было переполнено всё его существо, голос стал совсем нежным, непривычно ласковым:

— Для тебя у меня есть особый подарок... Но только на вечер.

Фу Гэ фыркнул в его объятиях, смех вибрацией передался сквозь ткань:

— Да я тебя дразнил, ну что ты... Ну не ревную я к маленькому Дзюэ.

Ци Хань мгновенно перестал улыбаться.

— Не ревнуешь? Совсем?

Он почувствовал разочарование, злость и легкую обиду — да какая же ты зайка несмышленная, даже не признаешь, что ревновал! Он не раздумывая натянул ему на голову ту самую кошачью шапку.

Идеально подошла.

Маленькие ушки наверху подрагивали при каждом движении, пряди челки выбились из-под ободка, посреди всей этой мягкой пушистости — раздумавшееся от вина лицо, белая кожа, раскрасневшиеся губы и чуть прищуренные, мутные от алкоголя глаза, сверкающие под светом ламп. Просто маленький котёнок, что не любит холод.

Ци Хань почувствовал, что утонул в этом зрелище. Сгреб его в охапку, чмокнул. Один раз. Потом ещё. Потом просто посыпал поцелуями его нос, щеки, губы.

— У меня нет других малышей, — голос был тихий, но твёрдый. — Только ты. Ты — мой единственный малыш.

Такие слова, такие прозвища... Боже, как же по-деревенски, как банально. Самому стыдно. Но если любишь до такой степени — хочется назвать любимого самыми глупыми, самыми простыми, самыми тёплыми словами.

Фу Гэ замялся, смутился, потерялся щекой о его плечо.

— Угу... Тогда ты тоже мой малыш.

Ци Хань не выдержал. Руки сами прижали его к дверце машины, прижали так плотно, что воздуха между ними не осталось, дыхание сорвалось на шёпот:

— Почему ты такой послушный, когда пьян?..

Этот шёпот был проглочен горячим, ненасытным поцелуем.

Сначала он прошелся по губам, пробуя их, чуть смял в пощипывающей ласке, потом сжал нижнюю губу, облизал, медленно, почти дразняще. А когда Фу Гэ попытался отстраниться, чуть приподняв голову за воздухом, его тут же накрыли вторым касанием — на этот раз глубоким, без остатка.

Сладкий, густой, настойчивый, этот поцелуй будто стремился оставить след внутри.

Когда его наконец отпустили, Фу Гэ был не здесь. Голова кружилась, мысли путались. Он даже тряхнул ею, пытаясь прийти в себя, но от этого крохотные ушки на шапке задрожали, затрепетали.

Ци Хань сглотнул, голос стал низким, сдавленным:

— Дать тебе награду?

Фу Гэ моргнул, с трудом вернув способность думать.

— Какую награду?..

— Сладости. Любые, какие хочешь.

Бета скривился, чуть сморщил нос:

— Не хочу. Не сладко.

— Да ну? Тогда что, по-твоему, самое сладкое?

Фу Гэ задумался, а потом глазки вспыхнули — в них было торжество, гордость, удовлетворение.

— Мой маленький мишка.

Ци Хань не смог сдержать улыбку. Сдался.

Тихо коснулся губами его губ, почти шёпотом:

— Тогда что же, ты собираешься съесть своего маленького мишку?

— Не надо, — Фу Гэ покачал головой. Губы чуть дрогнули, голос стал тише, но в нём звучало нечто глубокое, пронзительное. — Я хочу, чтобы маленький мишка съел меня.

Пауза.

— Сильно. Жадно. Безжалостно.

Внутри машины раздалось низкое, приглушённое ругательство. Ци Хань замер, его взгляд потемнел, стал тяжёлым, затянутым грозой. Когда машина остановилась, он даже не дал ей толком припарковаться — просто схватил Фу Гэ на руки и понёс в дом.

— Тогда сегодня будь послушным. Не проси. И не плачь.

Запах густого, едкого альфа-феромона медленно рассеивался только к глубокой ночи. Вино почти выветрилось из крови, но сон не приходил.

Ци Хань держал Фу Гэ в подвесном кресле на балконе, легонько раскачивая, пока тёплый ночной воздух колыхал полу прикрытые шторы.

В руках у него была металлическая пластинка с выбитыми буквами.

Фу Гэ.

Небольшая, холодная, потерявшая смысл. Когда-то — его пропуск в будущее. Теперь — просто память о том, что не случилось.

Фу Гэ взял её кончиками пальцев, провёл по буквам, сжал ладонь, потом поднял глаза.

— Ты... хочешь учиться?

Фу Гэ моргнул, будто не сразу понял.

— Но я же...

— Без “но”. Просто скажи — хочешь?

Брови его дрогнули, на лице появилось выражение осторожного желания, смешанного с сомнением. Он смотрел на табличку, и в глазах вспыхнул свет.

Но всё равно замялся.

— В компании без меня не справятся. Да и универ строгий, я ведь официально оформил отчисление, вернуться вряд ли получится...

— Не думай об этом. Если ты хочешь — проблем не будет.

Фу Гэ посмотрел на него исподлобья, в глазах мелькнула догадка.

— Ты... ты не вздумал там что-нибудь пожертвовать, а?

Ци Хань сделал вид, что задумывается.

— Ну, библиотеку я не жертвовал...

Фу Гэ выдохнул, облегчённо кивнул.

— А, ну тогда ладно.

— ...Я пожертвовал половину кампуса.

— ...Чего?!

Он резко дёрнулся, но не рассчитал — и со всего маху бум головой о деревянное основание кресла.

— А-а-а, чёрт!

Ци Хань рассмеялся, схватил его за плечи, притянул обратно к себе, начал осторожно растирать ушибленное место.

— Ну, просто решил, что ты можешь там первое время чувствовать себя неуютно... Так что добавил пару вещей. Музей искусств, чтобы было, куда сходить на выходных. Открытый бассейн, если захочешь поплавать. Кофейню, студию для рисования, книжный зал, даже кафе с кошками. Ну и... фастфуд, конечно. Не мог оставить тебя без картошки фри.

Фу Гэ смотрел на него так, будто тот сказал что-то запредельное.

— Ты... Ты что, сумасшедший?!

Ци Хань пожал плечами, усмехнулся.

— Ну, я просто хотел, чтобы тебе понравилось.

Вот художественный перевод, сохраняющий атмосферу, эмоции и стиль:

Фу Гэ даже не знал, что сказать.

— О великий и всемогущий председатель Ци... Может, ты просто построишь мне новый университет?

Ци Хань замер. Провёл пальцем по носу, будто что-то скрывая.

Фу Гэ сузил глаза.

— ...Ты реально об этом думал, да?

Ци Хань хмыкнул, будто невзначай:

— Да вот только твой дед не очень-то хочет менять работу.

Вот он, дракон, восседающий на своих несметных сокровищах, что готов собрать в лапы всё лучшее в этом мире и сложить его у ног своего самого дорогого человека.

Только любить — это всегда немного страшно.

Боишься, что слишком простое покажется банальным.

Боишься, что слишком великое покажется навязанным.

Боишься, что в конце концов не поймут.

И потому он просто берёт своё сердце, вынимает его из груди, укладывает Фу Гэ на самую его вершину — и хранит там, как бесценное сокровище.

— Ты можешь быть кем захочешь. — Голос его был глубоким, твёрдым, но в нём звучала невероятная мягкость. — Будь Фу-сюэчжан или Фу-цзун, это неважно. Если ты хочешь — значит, так и будет.

Ци Хань провёл пальцами по мягким прядям его волос, открыл ладонь и вложил в неё металлическую пластинку.

— Иди учиться, малыш. Твой талант, твоя мечта — они никуда не ушли. Не откладывай их слишком далеко.

Маленький бета посмотрел на него, глаза его сияли, будто изогнутая в небе луна. Он приподнялся и медленно, с нежностью, прикоснулся губами к его лбу.

— Моя муза, моя вера, моё вдохновение...

<http://bllate.org/book/14453/1278370>